

Именно потому, что Лан Мин не видит мир глазами, он чувствует его сердцем, его волю неспособны сломать хаос и запутанность этого мира, оттого он способен стать хранителем ветра. В финале прозревший Лан Мин лишает себя зрения, прыгает с обрыва, чтобы почувствовать силу ветра, ощутить окружающий мир и себя как единое целое.

Сюжет фильма разворачивается вокруг образа хранителя: герои Ся Лань берегут мир, Лан Мин защищает свою мать. Шэнь Лупинь подчеркивает, что «фильм ясно дает понять, что пусть Лан Мин не имеет красного отпечатка на руке – метки Ся Лань, он способен делать все возможное, чтобы защищать окружающих. Духовный рост Лан Мина доказывает, что Ся Лань – это не божество, а человек, который находится в единстве с природой. Любой может стать Ся Лань, если есть желание защищать других» [3, с.138].

Использование цвета в «Хранителе ветра», в частности, и визуальное решение в целом отражают традиции даосской культуры. Красота восточной традиции воплощена в кадрах с загнутыми углами крыш, фронтонами, арками, в образах персонажей. К древним традициям отсылает и воплощение тем боевых искусств и магии в картине. Фильм отличает использование общепонятного и современного художественного языка, системы, объединяющей строгие установки традиционной эстетики и новую техногенную образность. Наиболее сильное впечатление производит отображение чувств персонажей, будь то отношения героя и родителей или чувство романтической любви (эта линия отходит от основного сюжета, но очень эмоционально дополняет его). Примером могут служить сцены с подаренной отцом Лан Миню ветряной вертушкой, с семьей, которая собралась за одним столом и ест баоцзы, пререканий матери и ребенка т.д. В «Хранителе ветра» визуальный ряд соответствует самым высоким стандартам, масштабные сцены поражают эпичностью, а камерные отличаются теплотой и сентиментальностью.

Особого внимания заслуживает претворение традиционной символики даосизма в цветовой партитуре фильма. Ее отличает новаторская интерпретация образа ветра, не являющегося одним из пяти элементов (металл, дерево, вода, огонь, земля) и присутствие традиции на самом глубоком уровне. Визуальный ряд, цветовая драматургия фильма несут в себе ряд ключевых символов даосизма, расширяющих содержание картины далеко за пределы ее сюжета. Металл, чистое золото, появляется в образе подаренного отцом героя волчка, который превратился в ключ к познанию всего сущего – это путь превращения металла в оружие. Зеленый цвет, наполняющий кадры, окрашивает густые заросли, соединяющиеся в бесконечное лесное море, – это образ превращения тысячи деревьев в могущественный лес. Когда свирепое чудовище Таоте воскрасает, с неба падает несметное количество лавы, красный цвет заполняет небосвод – это образ бушующего пламени, сжигающего все сущее. С приходом внезапного наводнения мир окутывает тьма, как вода заполонила собой все пространство, так черный цвет залил мир, лишив его возможности выжить – это образ бесконечного и неукротимого потока. Когда ракшасы – демоны, пожирающие людей, выбегают из пещеры, их заживо погребает сверкающий желтый песок, символизирующий землю и природу. Главный герой использует «Заклинание ветра» (дословный перевод названия фильма), чтобы вызвать синий вихрь, противостоять вселенскому хаосу и приближающейся катастрофе и вернуть людям мирное голубое небо и белые облака, так синий цвет ветра оказывается сильнее золотого, зеленого, красного, черного и желтого цветов пяти элементов.

Список литературы:

1. 陈中亮《动漫电影中的中国武侠文化》/ 陈中亮. - 北京: 当代电影, 2009年第03期第128-130页. = Чэнь, Чжунлян. Культура китайских боевых искусств в анимации / Чжунлян Чэнь // Современное кино. – 2009. – № 03. – С. 128–130.
2. 关四平《论道家的“天人合一”思想》/ 关四平. - 上海: 上海师范大学学报(哲学社会科学版). 1997年第04期第24-29页. = Гуань, Сыпин. О даосской концепции единства Неба и человека / Сыпин Гуань // Вестник Шанхайского педагогического университета (раздел “Философия и общественные науки”) – 1997. – № 04. – С. 24–29.
3. 沈露萍《从《风语咒》看国产动画电影平民英雄形象》/ 沈露萍 - 重庆: 新闻研究导刊, 2018年第18期第137-139页. = Шэнь, Лупинь. Героические образы простых людей в китайской анимации на примере мультфильма «Хранители ветра» / Лупинь Шэнь // Журнал исследовательских новостей. – 2018. – № 18. – С. 137–139.

Татьяна Комлева

ВОПЛОЩЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА КНИГИ В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКИХ ЖИВОПИСЦЕВ

Tatsiana Komleva

THE IMPLEMENTATION OF THE ARTISTIC IMAGE OF THE BOOK IN THE CREATION OF BELARUSIAN ARTISTS

В статье раскрывается воплощение художественного образа книги на картинах белорусских живописцев в историко-культурном контексте.

The article reveals the embodiment of the artistic image of the book in the paintings of Belarusian artists in the historical and cultural context.

Образ книги на протяжении тысячелетий занимает важное место в европейском искусстве и находит свое художественное воплощение в творческом наследии живописцев и поэтов, скульпторов и архитекторов, миниатюристов и гравюров. Книга, как связующее звено поколений, позволяет проследить историю развития общества, передать художественные традиции духовной культуры отдельных народов в определенную эпоху. Как правило, в произведениях искусства Европы, особенно со времен ее христианизации, книга – главный символ и атрибут познания и осмысления мира, как для обыкновенного земледельца, так и для представителя высших сословий (духовенства, аристократии, воинов, мещан и коммерсантов). Уже на этапе формирования синкретичных архаичных жанров искусства устной традиции нашего народа (например, в песнях воловобитов на Пасху) в мироощущении белорусов книга тесно связана с мотивом упорядоченности и логичной организации мира: «Госпад бог сядзіць да кнігу чытаець, // Кнігу чытаець, святы злічаець, // Катораму й святу

й напярод ісці...» [1, с. 135], – после чего носителями традиции перечислялся полный хронологически организованный цикл годовых праздников, якобы прописанный в упомянутой книге. Многие морфологические и текстовые особенности волочебных песен исследователи связывают со средневековым периодом, когда земли современной Беларуси входили в состав ВКЛ, управляемого Свинтарогом (XIII в.) [1, с. 27] и Ольгердом (XIV в.) [1, с. 31].

Следует отметить, что тема книги нашла широкое отражение на картинах белорусских художников. Мастера живописи с помощью средств художественной выразительности стремились запечатлеть неповторимый образ книги, раскрывая ее двойственную природу, отраженную в традициях времени и мировоззренческих ценностях общества, интерпретируя тем самым ее символическое значение. Уже в эпохи Средневековья и Ренессанса книга представлена на многих живописных произведениях, в большинстве своем исполненных в жанре портрета. Как правило, это портреты представителей магнатских родов и шляхетского сословия, государственных и религиозных деятелей. Но если вначале художники наполняли образ книги сакральным значением (раскрывая духовный рост и жизненный путь изображаемого), то мастера позднего Средневековья и начавшегося на землях Беларуси в XVI в. Ренессанса придают ему черты светского направления, в соответствии с социальным статусом модели (подчеркивая положение и род деятельности портретируемого в обществе). К примеру, присутствие книги на портрете епископа Мельхиора Гедройца неизвестного художника (1585), акцентирует наше внимание на бесспорных заслугах религиозного деятеля, оказавшего большое влияние на развитие литовского языка и книгопечатания [2, с. 24]. Аналогичное символическое значение книги можно проследить на портрете доктора богословия Киприана Жоховского (1680), изображенного с приоткрытым молитвословом в правой руке. Книги большого размера, расположенные на заднем плане, усиливают психологический характер униянского митрополита, подчеркивая его всестороннюю образованность и набожность [2, с. 37].

Со второй половины XVI века в живописи «ощущается проникновение маньеризма..., характеризующегося утратой ренессансной гармонии между телесным и духовным» [2, с. 23]. Преимущественная роль в композиции отведена не эмоциональной составляющей образа, а выразительным деталям, соответствующим социальной принадлежности и роду деятельности персонажа. В это же время формируется новый стиль светского портрета – «сарматский», отражающий мировоззрение и вкусы шляхты восточных земель Речи Посполитой (мыслящей себя либо «сарматского», либо «римского» происхождения), оказавший значительное влияние на развитие портретного жанра в изобразительном искусстве последующих столетий [4, с. 8]. Так на картинах представителей рода Веселовских, Острожских, Радзивиллов, Сапег книга, как один из главных атрибутов портретируемого, репрезентируется как ценность и семейная реликвия, передающаяся из поколения в поколение, выступая символом исторической памяти предков. Среди такого рода композиций репрезентативные портреты кисти неизвестного гродненского художника, на которых изображены Александра Марианна Веселовская (1640-е гг.), Гризельда Сапега (1640-е гг.) [2, с. 32].

На отдельных картинах неотъемлемой частью художественного образа портретируемого является развернутый свиток (картуш) с текстом (как правило, размещенный внизу холста), раскрывающий его родословную. К примеру, портреты кисти неизвестного художника государственных деятелей Великого княжества Литовского Станислава Казимира Радзивилла (третья четверть XVII–первая половина XVIII вв.) [2, с. 35], Игнатия Завиши (1732) [2, с. 38], а также княжны Елизаветы Радзивилл (третья четверть XVII–первая половина XVIII вв.), [2, с. 36]. На многих «сарматских» портретах прообразом книги является надпись, размещенная сверху либо внизу холста, и посвящая социальный статус и родовую принадлежность портретируемого.

На рубеже XVIII–XIX вв. образ книги находит художественное воплощение в различных жанрах – портрет, натюрморт и стилих – рококо, классицизм, романтизм, неоклассицизм, реализм, символизм, авангардизм – живописи. Художники стремились запечатлеть и передать внутренний мир и характер персонажа, где книга, как составляющая деталь художественного решения композиции, дополняет его психологический портрет. К примеру, на портрете польского философа Андerea Товяньского (1837) [2, с. 55] художник В. Ванькович запечатлел портретируемого, сидящим за письменным столом. В правой руке мыслитель держит перо и глубоко погружен в свои размышления. Аккуратно сложенная раскрытая рукопись характеризует собранность и глубокую задумчивость философа.

Мастер русской академической школы И. Хруцкий посвятил ряд полотен религиозным деятелям и представителям духовенства, большинство из которых изображены с книгой (Евангелием) в руках. Книга подчеркивает сановитость и благообразность портретируемых, указывая на род их деятельности. Среди работ выделяются «Портрет митрополита Иосафата Булгака» (1839) [2, с. 58], «Портрет Викентия Лисовского» (1847) [2, с. 59].

Книга является главным атрибутом в изображении белорусских просветителей и первопечатников, классиков и основателей белорусской литературы, внесших весомый вклад в историко-культурное наследие страны. На исторических портретах таких художников, как И. Ахремчик, А. Волков, Н. Гусев, И. Романовский, М. Савицкий, Н. Силиванович и др. книга символизирует жизненный путь и духовный рост ее обладателей, которые способствовали распространению просветительских идей и становлению национальной идентичности страны. Ярким примером может служить серия работ «Портреты белорусских просветителей» (1990) художника Л. Хоботова, написанная специально для экспозиции Музея белорусского книгопечатания в Полоцке. Это портреты Евфросинии Полоцкой, Кирилы Туровского, Франциска Скорины, Сымона Будного, Петра Мстиславца, Василия Тяпинского, Симеона Полоцкого [4].

Постепенно книга в искусстве живописи нашла воплощение в художественных произведениях, затрагивающих все сферы жизни общества. На полотнах ее читают взрослые и дети, ученые и философы, на досуге и во время учебы, дома и на природе.

Разнообразие интерпретаций книги в творчестве белорусских живописцев придает ее образу особую художественную выразительность и дополнительные философские определения, глубоко укоренившиеся в общественном сознании в определенный исторический период. С древнейших времен до настоящего времени художники стремились передать образную многозначительность и содержательность книги, отражая вековую мудрость, опыт и знания, накопленные человечеством.

Список литературы:

1. Валачобныя песні / склад. Г. Баргашэвіч, Л. Салавей, В. Ялатаў, рэд. тома К. Кабашнікаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 560 с.
2. Медвецкий, А. Портретная живопись Беларуси : монография / А. Медвецкий, С. Медвецкий. – Витебск : ВГУ им. П. Машерова, 2017. – 336 с. : ил.
3. «Портреты белорусских просветителей» художника Л. Хоботова [Электронный ресурс] // Музей белорусского книгопечатания в Полоцке. Экспозиция. – Режим доступа: <http://book.polotsk.museum.by/node/47051/>. – Дата доступа: 02.02.2020.
4. Хадыка, А. Портретная живопись Беларуси XVI–XVIII веков : автореф. дисс. канд. искусств. наук : 09.00.13 / А. Хадыка ; Нац. академ. наук. – Минск, 1999. – 21 с.

Анастасія Лойко-Мичудо

ОБРАЗ ЦВЕТКА ПАПОРОТНИКА В КЕРАМИКЕ И РЕЗЬБЕ ПО ДЕРЕВУ БЕЛАРУСИ

Anastasia Loiko-Michudo

FAMILY FLOWER IMAGE IN CERAMICS AND WOOD CARVING

Автор анализирует особенности претворения образа цветка папоротника (мифической «папараць-кветкі» праздника Купалье) в таких видах декоративно-прикладного искусства Беларуси, как гончарство и резьба по дереву, а также выявляет семантику и художественную специфику в трактовке данного образа.

The article discusses the peculiarities of implementing the image of the fern flower in such types of arts and crafts of Belarus as pottery and wood carving; reveals the semantics and artistic specificity in the interpretation of this image.

Праздник летнего солнцестояния Купалье является не только наиболее известным и любимым из всех древних народных обрядовых торжеств. Это – неисчерпаемый источник информации, содержащий в себе многочисленные образы, получившие художественное воплощение в декоративно-прикладном искусстве Беларуси. Наиболее распространенным из них является образ цветка папоротника. Довольно своеобразно и необычно данный образ представлен в керамике. Отметим, что гончарство является одним из древнейших ремесел – изобретение глиняной посуды относится ко времени неолита (VI–IV тыс. до н.э.) [2, с. 15].

В работе М. Колтыгина «Цветок папоротника» (бел. «Папараць-кветка», 2007, шамот, соли, дымление, высота – 40 см) на первый взгляд сложно сопоставить увиденное с каким-нибудь растением (рис. 1). Произведение представляет собой три темные фигуры, похожие на свечи, состоящие из соединенных между собой и плавно перетекающих друг в друга шаров, которые на вершине приобретают вытянутую форму, напоминающую язычок пламени. Подобно свечам, они располагаются в своего рода чашках-подсвечниках контрастного светло-коричневого цвета. Композицию объединяет тонкая стенка с симметрично расположенными в ней круглыми отверстиями. Возможно, художник для воплощения образа мифического растения хотел изобразить его необычный свет, который, согласно преданиям, исходит от него. Данное произведение своей формой также напоминает языки пламени обрядового костра Купалье.

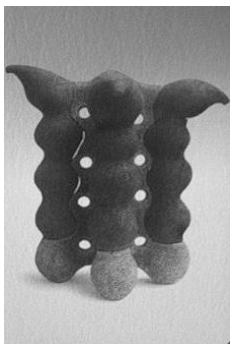

Рисунок 1 –
М. Колтыгин
Цветок
папоротника

Рисунок 2 –
И. Коваленко.
Золотой
цветок

Рисунок 3 –
В. Григоришина.
Цветок
папоротника

Рисунок 4 –
Л. Нищик.
Цветок
папоротника

Рисунок 5 –
И. Супрунчук.
Женщина с
папоротником

Работа И. Коваленко «Золотой цветок» (бел. «Залатая кветка», 2007, шамот, глазури, оксиды, редукция, высота – 41 см) напоминает кубок с запечатанным верхом или перевернутую печать (рис. 2). Художник интерпретирует образ мифического растения не только с помощью формы, но и колористической гаммы. Ножка и бока предмета покрыты узором черного цвета, в которых просматривается образ листьев и стеблей папоротника. На верхней части произведения художник располагает полихромные растительные мотивы, среди которых следует обратить внимание на лепестки золотисто-желтых оттенков, окружающих стилизованный цветок красного цвета. Данное произведение можно связать со строками стихотворения В. Короткевича «В ту ночь»: «Кветка ў нетрах лясных распускалася, // Залатая, агністая, сіняя». Верхняя часть произведения напоминает лист клевера с четырьмя лепестками, который так же, как и цветок папоротника, является мифологемой и символизирует удачу.